

Международная научно-практическая конференция «Теория и практика противодействия современным криминальным угрозам»

28 ноября 2023 года в Нижегородской академии МВД России совместно с Нижегородским филиалом международной общественной организации «Союз криминалистов и криминологов» и Российской криминологической ассоциацией имени А. И. Долговой проведена международная научно-практическая конференция «Теория и практика противодействия современным криминальным угрозам».

Повышенный интерес к традиционно проводимому научному форуму подтвержден большим количеством участников, в том числе международных, широким кругом рассматриваемых проблем. В этот раз на научной площадке академии как в очном, так и в дистанционном формате встретились ученые из России, Беларуси, Казахстана, Азербайджана, Таджикистана, Приднестровья, Монголии, представляющие образовательные и научные организации различной ведомственной принадлежности.

Состоявшаяся дискуссия позволила укрепить научные связи, изучить передовой опыт в сфере противодействия новым криминальным угрозам и определить перспективы дальнейшего сотрудничества по борьбе с преступностью.

International Scientific and Practical Conference “Theory and practice of countering modern criminal threats”

On November 28, 2023, the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, together with the Nizhny Novgorod branch of the international public organization “Union of Criminologists and Criminologists” and the Russian Criminological Association named after A. I. Dolgova, held an international scientific and practical conference “Theory and practice of countering modern criminal threats”.

The increased interest in the traditionally held scientific forum is confirmed by a large number of participants, including international ones, and a wide range of issues under consideration. This time, scientists from Russia, Belarus, Kazakhstan, Azerbaijan, Tajikistan, Pridnestrovie, Mongolia, representing educational and scientific organizations of various departmental affiliation, met on the scientific site of the Academy both in person and remotely.

The discussion made it possible to strengthen scientific ties, study best practices in countering new criminal threats and identify prospects for further cooperation in combating crime.

Гаевилов Борис Яковлевич,

доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, заслуженный юрист Российской Федерации, профессор кафедры управления органами расследования преступлений Академии управления МВД России

К вопросу о некоторых проблемах совершенствования уголовной политики: мнение ученого и позиция правоприменителя

Законодательство в сфере борьбы с преступностью в целом и его уголовно-правовая и уголовно-процессуальная составляющие являются динамическими явлениями реальной действительности. Эффективность функционирования данной отрасли права зависит не только и не столько от качества сформулированных в них правовых норм, регулирующих общественные отношения, сколько от реальных потребностей в их существовании, их реализация правоохранительными органами с учетом складывающихся социальных, экономических и правовых факторов.

Более того, в процессе разрешения проблемных вопросов уголовно-правового характера необходимо стремиться к исключению влияния субъективных факторов, вызванных, в частности, консервативными предубеждениями как законодателя, так и представителей научного сообщества и правоприменителей к представлению по совершенствованию как Уголовно-процессуального

кодекса Российской Федерации¹ (далее — УПК РФ), так и Уголовного кодекса Российской Федерации² (далее — УК РФ). При этом исключительно важным фактором при анализе эффективности действия конкретных уголовно-правовых и уголовно-процессуальных институтов является преодоление зашоренности и догматизма мышления как ученых, так и правоприменителей в реальной оценке действующего состояния законодательства уголовно-правового комплекса, необходимости и возможности его совершенствования.

В настоящей публикации автором подвержена критике эффективность ряда уголовных и уголовно-процессуальных институтов современного досудебного производства, регламентирующих начало производства по уголовному делу, сроки предварительного расследования, процедуру предъявления обвинения; современное состояние уголовно-правовых санкций в виде лишения свободы и штрафа как основного вида наказания применительно к категоризации преступных деяний, а также идет речь о необходимости снижения уровня уголовной репрессии путем возвращения в российское законодательство уголовного проступка (*в дореволюционном законодательстве — проступок*) и, соответственно, введение для расследования данной категории противоправных деяний более упрощенной по сравнению с действующей формой расследования и ряд других правовых новаций.

Вопросы реформирования законодательства рассматриваются автором с учетом как его продолжительной (более 30 лет) деятельности в органах предварительного следствия и органах дознания, так и лица, принимавшего непосредственное участие в работе в составе рабочей группы при Комитете по законодательству Государственной Думы Российской Федерации по подготовке проекта УПК РФ ко второму и третьему чтениям, а также принимавшего непосредственное участие в разработке ряда законопроектов, являясь членом экспертных советов при Комитете по безопасности и противодействию коррупции Государственной Думы и Совета Федерации Российской Федерации.

Необходимо отметить, что на сегодняшний день содержание УПК РФ и УК РФ существенно изменено. Так, в УПК РФ с момента вступления его с 1 июля 2002 года в действие было принято уже 300 федеральных законов о внесении в него изменений и дополнений, что повлекло за собой в том числе и появление новых процессуальных институтов. Существенные изменения потерпела и редакция УК РФ 1996 года, в который внесены на 1 января 2024 года изменения 311 федеральными законами в 1 872 состава преступления, что повлекло за собой критику со стороны научного сообщества и правоприменителей.

Вместе с тем автор считает необходимым указать, что столь значительный объем изменений в определенной степени явился закономерным и вполне обоснованным, учитывая, что выявить определенные противоречия и пробелы возможно исключительно в ходе их практического применения. При этом часть изменений как в УК, так и УПК РФ была обусловлена необходимостью реализации решений Конституционного Суда Российской Федерации в части приведения их отдельных норм в соответствии с Конституцией Российской Федерации, а также необходимостью снижения уровня уголовной репрессии. Вместе с тем внесение одних изменений зачастую предопределяет необходимость пересмотра других вполне устоявшихся правовых положений, наличие которых утрачивает свое прежнее значение в связи с данными изменениями. Одновременно следует отметить, что отдельные поправки как в УПК РФ, так и в УК РФ не вызывались необходимостью, а в ряде случаев носили характер контрреформ, обусловленных в том числе и позицией Конституционного Суда и Верховного Суда Российской Федерации (в УК РФ — это декриминализация отдельных видов преступлений, возвращения неоднократности как квалифицирующего признака и ряд других, в УПК РФ — частичное возвращение института судебного доследования, возвращение к форме обвинительного заключения по УПК РСФСР и ряд других), на что указывал как автор в своих публикациях³, так и профессор В. П. Божьев⁴.

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 18 декабря 2001 года № 174-ФЗ (ред. от 27 ноября 2023 года): принят Государственной Думой Российской Федерации 22 ноября 2001 года: одобрен Советом Федерации Российской Федерации 5 декабря 2001 года. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.11.2023).

² Уголовный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 13 июня 1996 года № 63-ФЗ (ред. от 25 декабря 2023 года): принят Государственной Думой Российской Федерации 24 мая 1996 года: одобрен Советом Федерации 5 июня 1996 года. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.11.2023).

³ Гаврилов Б. Я. 20 лет российскому уголовно-процессуальному закону: соответствует ли он научным воззрениям и требованиям правоприменителя // Законы России: опыт, анализ, практика. 2021. № 6. С. 7–14.

⁴ Божьев В. П. «Тихая революция» Конституционного суда в уголовном процессе Российской Федерации // Российская юстиция. 2000. № 10. С. 9–11.

Определенные изменения, на первый взгляд, могут показаться по их масштабности чрезмерными для осознания правоприменителем, но в конечном итоге они были признаны целесообразными. В частности, в результате реформ уголовно-процессуального законодательства в 2007 году¹ состоялась реструктуризация органов прокуратуры путем вывода следователей из их состава с последующим образованием самостоятельного федерального органа — Следственного комитета Российской Федерации²; произошло разделение функций надзора при осуществлении предварительного следствия и процессуального руководства расследованием, совмещенных ранее в лице прокурора, путем передачи полномочий по процессуальному руководству следователями руководителю следственного органа; исключено согласование с прокурором процессуальных решений должностных лиц органов предварительного расследования и органов дознания о возбуждении дела и одновременно исключено из перечня полномочий прокурора его право на возбуждение уголовного дела, на чем автор настаивал на протяжении 5-ти лет после принятия УПК РФ. В качестве участников уголовного судопроизводства со стороны обвинения в УПК РФ — были введены начальник подразделения дознания³ на чем автор настаивал еще в период подготовки и принятия УПК РФ, а в последующем — и начальник органа дознания⁴.

Эффективность данных изменений возможно проследить на основании нижеприведенных статистических данных (рис. 1–3):

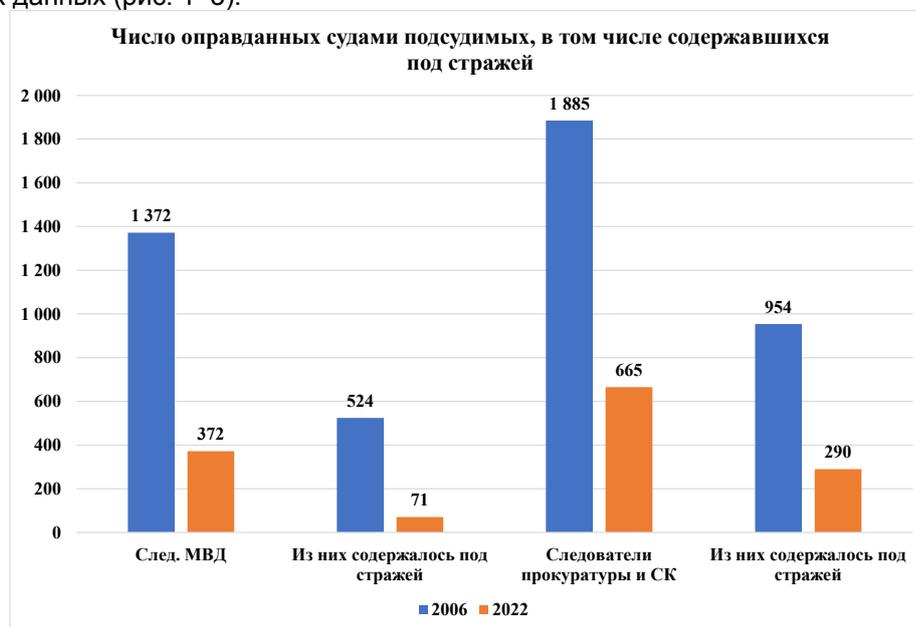

Рис. 1. Статистические данные о числе оправданных судами подсудимых, в том числе содержащихся под стражей⁵

¹ О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 6 июня 2007 года № 90-ФЗ: принят Государственной Думой Российской Федерации 18 мая 2007 года: одобрен Советом Федерации Российской Федерации 25 мая 2007 года. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.11.2023).

² О Следственном комитете Российской Федерации: федеральный закон от 28 декабря 2010 года № 403-ФЗ (ред. 27 ноября 2023 года): принят Государственной Думой Российской Федерации 22 декабря 2010 года: одобрен Советом Федерации Российской Федерации 24 декабря 2010 года. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.11.2023).

³ О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 6 июня 2007 года № 90-ФЗ: принят Государственной Думой Российской Федерации 18 мая 2007 года: одобрен Советом Федерации Российской Федерации 25 мая 2007 года. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.11.2023).

⁴ О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части уточнения полномочий начальника органа дознания и дознавателя: федеральный закон от 30 декабря 2015 года № 440-ФЗ. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.11.2023).

⁵ Статистические данные о числе лиц, оправданных судом, в том числе на 1 000 обвиняемых по направленным в суд делам, из них незаконно, необоснованно содержащихся под стражей за период с 2006 по 2022 год / Статистические данные ГИАЦ МВД России: URL: <https://мвд.рф/> (дата обращения: 01.10.2023).

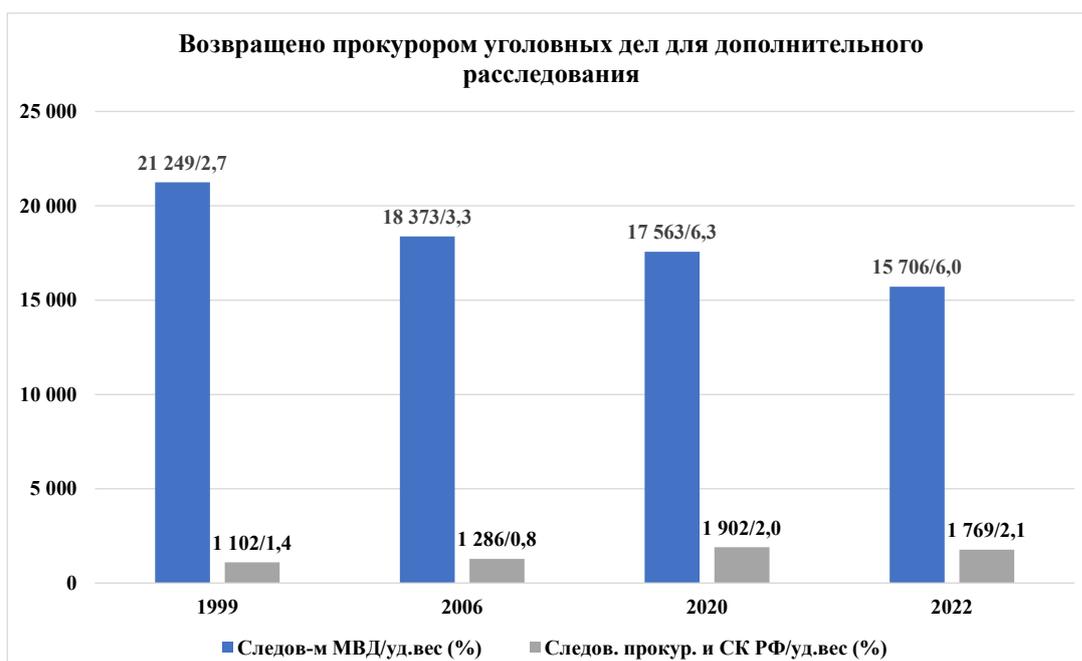

Рис. 2. Статистические данные о количестве уголовных дел, возвращенных прокурором следователем и судом прокурору в порядке статьи 237 УПК РФ¹

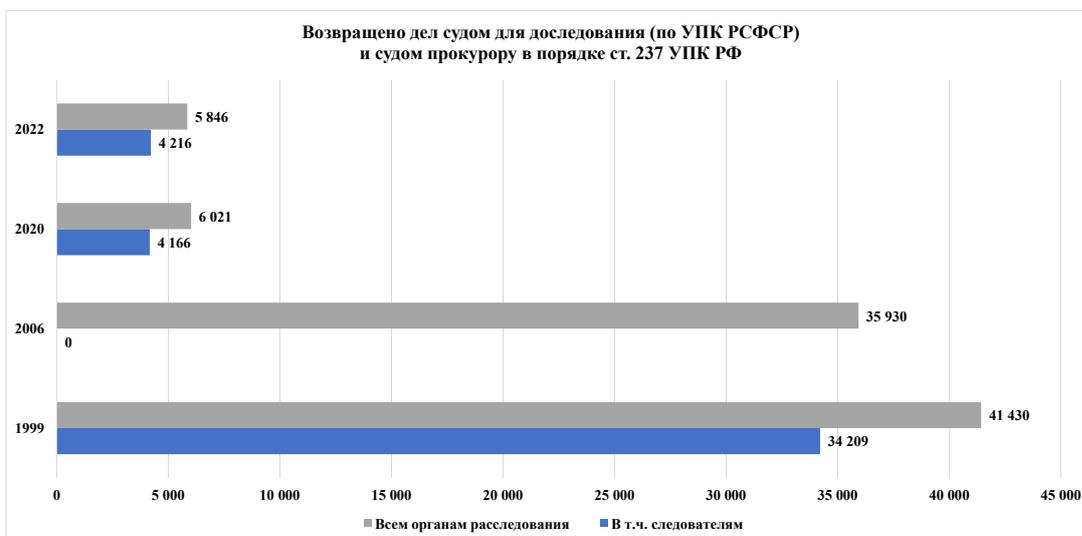

Рис. 3. Возвращено дел судом для доследования (по УПК РСФСР) и судом прокурору в порядке статьи 237 УПК РФ

Так, статистические данные рисунка 1 свидетельствуют о повышении уровня процессуального контроля со стороны руководителя следственного органа, о чем свидетельствует многократное сокращение числа оправданных судом лиц, незаконно, необоснованно привлеченных органами предварительного следствия к уголовной ответственности, и — особенно содержащихся под стражей, нередко, весьма длительные сроки, исчисляемые в ряде случаев годами.

В свою очередь, данные рисунка 2 демонстрируют усиление надзорной деятельности прокурора, о чем свидетельствуют увеличение количества возвращенных прокурорами уголовных дел

¹ Статистические данные о количестве уголовных дел, возвращенных прокурором следователям МВД, прокуратуры и Следственного комитета Российской Федерации и возвращенных судом прокурору в порядке статьи 237 УПК РФ в период с 1999 по 2022 год / Статистические данные ГИАЦ МВД России. URL: <https://мвд.рф/> (дата обращения: 01.10.2023).

для дополнительного расследования при одновременном многократном сокращении количества уголовных дел, возвращенных судом прокурору в порядке статьи 237 УПК РФ (фактически на дополнительное расследование) — рисунок 3.

Более того, зачастую целесообразные и реально необходимые предложения представителей научного сообщества по правовому регулированию общественных отношений претерпевают существенные испытания временем, прежде чем находят свое воплощение в законе. Так, автором настоящей публикации еще на этапе подготовки проекта УПК РФ ко второму и третьему чтениям как членом рабочей группы при Комитете по законодательству Государственной Думы предлагалось включить нормы о дифференциации процессуальных полномочий между прокурором и руководителем следственного органа, о введении в систему участников уголовного судопроизводства начальника специализированного подразделения дознания и ряд других предложений, которые были реализованы в уголовно-процессуальном законе лишь в последующие годы, как это следует из изложенного выше¹.

В свою очередь, автором выделяется ряд проблем и предложений по разрешению ряда стоящих перед правоохранителем и, соответственно, законодателем, которые на сегодняшний день еще не нашли своего воплощения в нормах уголовно-процессуального и уголовного законов, на обоснование решения которых и направлено содержание настоящей публикации.

1. Институт возбуждения уголовного дела: необходим ли он российскому законодательству и в каком виде? Данный вопрос является сегодня одним из наиболее обсуждаемых среди членов научного общества и части правоприменителей в области уголовно-процессуального законодательства, включая теоретико-прикладное значение данной стадии уголовного процесса, ее наличие в УПК РФ сегодня определяет, во-первых, низкую эффективность уголовного судопроизводства (в суд направляется менее 30 % от числа возбужденных уголовных дел) и, во-вторых, при принятии решения об отказе в возбуждении уголовного дела нарушаются права ежегодно порядка 5 миллионов пострадавших на их доступ к правосудию, компенсацию причиненного им преступлением ущерба, регламентированного статьей 52 Конституции Российской Федерации.

На сегодняшний день растет число сторонников как среди практикующих юристов, так и представителей науки, придерживающихся позиции о необходимости исключения из российской системы уголовно-процессуального законодательства норм о возбуждении уголовного дела и об отказе в этом, что составляет сущность стадии возбуждения уголовного дела². При этом следует учитывать положения Концепции судебной реформы РСФСР 1991 года в той части, что: «будет обоснованным рассматривать всякое сообщение о преступлении, если на момент рассмотрения неочевидна его ложность, как бесспорный повод к возбуждению уголовного дела»³.

Среди негативных последствий действия института возбуждения уголовного дела необходимо также выделить:

— непроизводительные затраты труда порядка 20 тысяч следователей, дознавателей и сотрудников полиции, обусловленные затратами на вынесение ими в общей сложности ежегодно порядка 8–9 млн (с повторным) постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела, и труда многочисленной «армии» прокуроров, которые вынуждены их отменять в силу незаконности и необоснованности их принятия, и ряд других негативных последствий;

— сокращение за последние годы в 2 раза (с 3,3 млн в 2006 году до 1,6 млн за 2023 год) количества принятых следователем, дознавателем, органом дознания решений о возбуждении уголовного дела при одновременном увеличении за данный период практически на это же количество «отказных» материалов (с 4,5 млн до 6 млн (табл. 1));

¹ Гаврилов Б. Я. 20 лет российскому уголовно-процессуальному закону: соответствует ли он научным воззрениям и требованиям правоприменителя // Законы России: опыт, анализ, практика. 2021. № 6. С. 7–14.

² См.: Вицин С. Е. Институт возбуждения уголовного дела в уголовном судопроизводстве // Российская юстиция. 2003. № 6. С. 56; Володина Л. М. Стадия возбуждения уголовного дела: материалы международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы расследования преступлений» (Следственный комитет Российской Федерации). Москва, 2013. С. 212–217; Гаврилов Б. Я. Современное уголовно-процессуальное законодательство и реалии его правоприменения // Труды Академии управления МВД России. 2016. № 1. С. 18–21; Гирько С. И. О некоторых проблемных вопросах процессуальной регламентации ускоренного досудебного производства // Российский следователь. 2010. № 15. С. 16 и др.

³ О Концепции судебной реформы в РСФСР: постановление Верховного Совета РСФСР от 24 октября 1991 года № 1801-1 // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. № 44, ст. 1435. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.10.2023).

Таблица 1

**Статистические данные о количестве возбужденных уголовных дел
и «отказных» материалов**

	2006	2022	2023
Всего зарегистрировано сообщений о преступлениях (млн)	10,7	11,9	11,8
Возбуждено уголовных дел (млн)	3,3	1,6	1,6
В том числе удельный вес к числу сообщений о преступлениях	30,8 %	16,2 %	13,5 %
Количество (без повторных) «отказных» материалов (млн)	4,5	6,0	6,2

— в значительном сокращении за последнее десятилетие (на 888,6 тыс.) количества раскрытых и расследованных преступлений (с 1,784 млн в 2006 году до 895,6 тыс. преступлений в 2023 году или на 49,8 %) и тем самым снижению эффективности деятельности по выявлению, раскрытию и расследованию преступлений;

— так называемый «тренд» преступности, значение которого к 2010 году должно было достигнуть уровня 4,0 млн преступлений в год. Однако к 2023 году по отношению к 2006 году показатель преступности сократился на 1,9 млн преступлений или на 49,5 % (табл. 2).

Таблица 2

Сведения о состоянии преступности в 1980–2022 годы (и 6 месяцев 2023 года)

Временной период	1980	1991	1999	2006	2016	2010	2022	2023
Количество зарегистрированных преступлений (млн)	1,028	2,168	3,002	3,853	2,160	2,004	1,957	1,947

2. Проблема первичного срока процессуального расследования. Анализ действующей редакции части 5 статьи 162 УПК РФ позволяет сделать вывод о том, что правовое содержание указанного положения, фактически его ограничивающего лишь сроком давности привлечения к уголовной ответственности не соответствует введенной в УПК РФ норме — принципу (ст. 6¹ УПК РФ) о разумном сроке уголовного судопроизводства, который в соответствии с Федеральным законом от 30 апреля 2010 года № 68-ФЗ¹ и постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 марта 2016 года № 11-П² по уголовным делам не должен превышать 4-х лет, что влечет за собой необходимость исключения положений пунктом 1 статьи 162 из УПК РФ. Также следует отметить, что содержание статьи 162 УПК РФ аналогично положению статьи 119 УПК РСФСР 1922 года³ при том, что о первоначальном (2 месяца) сроке предварительного следствия большая часть уголовных дел по уровню сложности многократно превышает тот, что прослеживался 100 лет назад.

3. Требуется пересмотр процессуального института предъявления обвинения. Автором публикации неоднократно еще в период подготовки УПК РФ ко второму чтению (1999–2001) обосновывалась позиция об анахронизме института предъявления обвинения, как утратившего свою актуальность в связи с рядом преобразований в уголовно-процессуальном законодательстве. К числу наиболее значимых аргументов следует отнести.

Первый: утрату взаимосвязи предъявления обвинения с момента вступления в уголовное дело защитника. Необходимо указать, что в советский период (до 1972) участие защитника в ходе предварительного расследования фактически не предусматривалось, что вступало

¹ О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок: федеральный закон 30 апреля 2010 года № 68-ФЗ (ред. от 5 декабря 2022 года): принят Государственной Думой Российской Федерации 21 апреля 2010 года: одобрен Советом Федерации 28 апреля 2010 года. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 21.10.2023).

² О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении дел о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 марта 2016 года № 11. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 21.10.2023).

³ Об Уголовно-процессуальном кодексе: постановление Всероссийского центрального исполнительного комитета от 25 мая 1922 года. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 21.10.2023).

в противоречие с нормами международного права, в том числе с Всеобщей декларацией прав человека¹, Конвенцией о защите прав человека и основных свобод² и другими³. Так, статья 47 УПК РСФСР 1960 года предусматривала участие в уголовном деле защитника лишь при производстве по уголовному делу в форме предварительного следствия и исключительно на этапе окончания расследования при ознакомлении обвиняемого с материалами уголовного дела. В свою очередь, по уголовным делам, расследованным в форме дознания, право на участие защитника вообще не предусматривалось (ст. 120 УПК РСФСР)⁴ и данное право лицо приобретало непосредственно в ходе судебного разбирательства.

Лишь спустя десятилетие после принятия УПК РСФСР указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 26 июня 1972 года⁵ в уголовно-процессуальном законодательстве обвиняемому было предоставлено право иметь защитника по постановлению прокурора с момента предъявления обвинения. Исключения носили частный характер для лиц, которые в силу физических или психических недостатков не способны были самостоятельно защищать свои права. Участие защитника для них законодатель предусматривал с момента предъявления обвинения без вынесения прокурором соответствующего решения (ст. 47 УПК РСФСР).

Последующий процесс внесения изменений в российское уголовно-процессуальное законодательство предусмотрел возможность вступления защитника на более ранних этапах уголовного судопроизводства. Так, с принятием Закона Российской Федерации от 23 мая 1992 года № 2825-1⁶ участие защитника в уголовном деле законодатель предусмотрел как при производстве предварительного следствия, так и при производстве дознания, а также при задержании лица в качестве подозреваемого или заключения его под стражу до предъявления обвинения (ст. 47 УПК РСФСР).

И лишь с принятием Федерального закона от 29 мая 2002 года № 58-ФЗ участие в уголовном деле защитника было предусмотрено с момента возбуждения уголовного дела в отношении конкретного лица⁷, что стало отправной точкой нивелирования значения института предъявления обвинения.

Ныне действующее уголовно-процессуальное законодательство с принятием Федерального закона от 4 марта 2013 года № 23-ФЗ «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» обязывают следователя, дознавателя обеспечивать участие адвоката (фактически в статусе защитника) еще на этапе проверки сообщения о преступлении⁸. Приняв данную норму, законодатель фактически реализовал требования постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 27 июня 2000 года № 11-П по делу В. И. Маслова⁹.

¹ Всеобщая декларация прав человека: Генеральная Ассамблея ООН от 10 декабря 1948 года // Российская газета. 1995. № 67.

² О защите прав человека и основных свобод: конвенция от 4 ноября 1950 года // Собрание законодательства РФ. 2001. № 2, ст. 163.

³ Международный пакт о гражданских и политических правах: резолюция 2 200 (XXI) на 1 496 пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН от 16 декабря 1966 года // Ведомости Верховного Совета СССР. 1976. № 17, ст. 291.

⁴ Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1960. № 40, ст. 592.

⁵ О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР: указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 26 июня 1972 года // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1972. № 26, ст. 663.

⁶ О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР: закон Российской Федерации от 23 мая 1992 года № 2825-1 // Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета РФ. 1992. № 25, ст. 1389.

⁷ О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федеральный закон № 58-ФЗ: принят Государственной Думой Российской Федерации 26 апреля 2002 года: одобрен Советом Федерации Российской Федерации 15 мая 2002 года // Собрание законодательства РФ. 2002. № 22, ст. 2027.

⁸ О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 4 марта 2013 года № 23-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2013. № 9, ст. 875.

⁹ По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 47 и части второй статьи 51 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В. И. Маслова: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 27 июня 2000 года. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 21.10.2023).

Сущность второго аргумента состоит в отсутствии существенных различий в правовых статусах подозреваемого (ст. 46 УПК РФ) и обвиняемого (ст. 47 УПК РФ), поскольку при трансформации статуса подозреваемого в статус обвиняемого происходит лишь некая конкретизация процессуальных прав применительно к завершающим этапам расследования: ознакомление обвиняемого с материалами уголовного дела, заявление ходатайств при окончании уголовного дела; вручение обвиняемому копии обвинительного заключения и ряда других прав, предусмотренных на судебных стадиях.

Еще одним аргументом является то, что решение законодателя об отказе от предъявления обвинения при расследовании уголовных дел в форме дознания. Так, по направленным в суд за время действия УПК РФ без «классического» предъявления обвинения порядка 5 млн уголовных дел, по которым жалоб со стороны осужденных в Конституционный Суд Российской Федерации на нарушение их права на защиту от обвинения не поступало.

Научный и прикладной интерес представлен и позицией Конституционного Суда Российской Федерации о том, что пределы судебного разбирательства определяются предъявленным в ходе расследования обвинением, окончательно сформулированным в обвинительном заключении (обвинительном акте)¹.

Взаимосвязанной с предложенной выше позицией является вопрос устранения недостатков предварительного расследования, включая изменение обвинения на более тяжкое. Основным средством устранения ошибок и недостатков предварительного расследования на протяжении десятков лет выступал институт судебного доследования (ст. 232 УПК РСФСР, 1960), негативным результатом действия которого было ежегодное возвращение судом от 45 до 56 тыс. уголовных дел для производства по ним дополнительного расследования, которые нередко заключались в проведении отдельных следственных действий и в восполнении иных недостатков предварительного расследования, включая перепредъявление обвинения на более тяжкое. При этом по каждому второму делу до возвращения на доследование судебное разбирательство продолжалось от трех до шести месяцев, а по отдельным уголовным делам — от 1,5 до 2-х лет, что в связи с изменениями 2010 года о включении в УПК РФ принципа разумного срока судопроизводства сегодня недопустимо.

Для решения данной проблемы представляется целесообразным обращение к зарубежному опыту, нормы которого предоставляют возможность изменения обвинения непосредственно в суде. Подобный подход отражается как в странах Западной Европы, например, Англии, Уэльса, Шотландии, являющихся представителями англосаксонской правовой семьи², так и в странах СНГ (например, Республика Казахстан и Республика Беларусь). Так, согласно части 2 статьи 301 УПК Республики Беларусь, если в ходе судебного следствия возникнет необходимость в дополнении расследования или изменения обвинения на более тяжкое либо в предъявлении нового обвинения, суд по ходатайству государственного обвинителя объявляет перерыв на срок до 10 суток, который может быть продлен до 30 суток, и предлагает прокурору устранить выявленные недостатки и перепредъявить обвинение, ознакомить стороны с результатами расследования после чего судебное разбирательство продолжается³.

В этой связи предлагается с учетом особенности российского уголовного судопроизводства закрепить следующую процедуру изменения обвинения на более тяжкое. Так, заявление государственного обвинителя об изменении обвинения на более тяжкое может быть реализовано путем представления суду формулировки нового обвинения в письменном виде, после чего следует предъявление прокурором обвиняемому нового обвинения, в том числе в совершении более тяжкого преступления, чем предъявлено органом предварительного расследования, а также разъяснение сущности указанного обвинения, для чего в судебном заседании должен быть объявлен перерыв, чтобы у стороны защиты имелось время, необходимое для подготовки к защите

¹ По делу о проверке конституционности положений статей 237, 413 и 418 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом президиума Курганского областного суда: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 16 мая 2007 года № 6-П. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 21.10.2023).

² Бурмагин С. В., Барабанов П. К. Правовые модели изменения обвинения в суде: сравнительно-правовой анализ процедур российского и зарубежного судопроизводства // Государство и право. 2022. № 12. С. 45–53.

³ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь от 16 июля 1999 года № 295-3 // Документ зарегистрирован в НРПА 20 августа 1999 года. № 2/71.

от нового обвинения, после чего судебное разбирательство продолжается в пределах нового обвинения.

4. О введении уголовного проступка. К вопросу введения в УК РФ уголовного проступка обращались многие ученые: С. Г. Келина¹, Н. Ф. Кузнецова², С. В. Максимов³, Е. В. Рогова, В. Ф. Цепелев⁴ и др., а также представители практических органов расследования (В. В. Гордиенко⁵, Б. Я. Гаврилов⁶ и др.). Основная цель предложений указанных и других представителей науки и практики состоит в дифференцированности противоправных деяний на преступления и уголовные проступки в зависимости от тяжести совершенного деяния, что обусловлено необходимостью реальной правовой оценки преступных деяний с учетом степени общественной опасности как самого деяния, так и лица, его совершившего.

Обусловлено это и тем, что число лиц, отбывающих наказание, составило в России на 100 тыс. населения 630 человек, в Скандинавских странах — 88, Италии — 78, Франции — 100, Испании — 126.

5. Протокольная форма предварительного расследования. Автором публикации обосновывается, что введение уголовно-правовой категории «уголовный проступок» обуславливает необходимость возвращения в досудебное производство протокольной формы расследования (по УПК РСФСР так называемой протокольной формы досудебной подготовки материалов, по которой ежегодно в суд направлялось по 200–250 тыс. материалов о преступлениях небольшой тяжести). К причине обращения к протокольной форме расследования следует отнести и оценочные мнения как среди научного сообщества, так и практических сотрудников органов внутренних дел по поводу введенного в УПК указанным выше Федеральным законом № 23-ФЗ дознания в сокращенной форме (глава 32.1 УПК РФ), отмечая, что по объему выполняемых по уголовному делу следственных и иных процессуальных действий и срокам расследования дознание в сокращенной форме практически ничем не отличается от дознания в общем порядке.

Сущность предлагаемой автором протокольной формы расследования состоит в том, что: 1) расследование осуществляется в отношении конкретного лица, если обстоятельства совершенного преступления очевидны и не требуется проведения всего комплекса процессуальных действий; 2) не предусматривается вынесение постановления о возбуждении уголовного дела, одновременно уголовно-процессуальный закон должен ограничивать производство следственных действий допросом подозреваемого, а также потерпевшего или свидетеля-очевидца; 3) производство судебной экспертизы допускается лишь в случаях, предусмотренных статьей 196 УПК РФ; 4) предусматривается задержание подозреваемого лица в порядке статьями 91, 92 УПК РФ, с учетом чего срок расследования предлагается установить в 48 часов с последующим направлением уголовного дела прокурору, а последним в суд, который продлевает срок содержания лица под стражей до 72 часов и в течение данного срока рассматривает уголовное дело.

Резюмируя вышеизложенное, стоит отметить, что высказанные в настоящей публикации предложения обуславливают необходимость разработки концепции совершенствования уголовно-правового и уголовно-процессуального законодательства, для создания которой на сегодняшний день имеются необходимые условия, вытекающие из ряда уже принятых изменений в УПК РФ и УК РФ, правовых, экономических и иных факторов. Безусловно, данному процессу в значительной мере препятствует закрепившийся в нашем сознании консервативный подход относительно незыблемости названных выше правовых институтов, а также нежелание и неприятие всего нового, что может нарушить устоявшееся состояние законодательства.

¹ Келина С. Г. Уголовный закон. Опыт теоретического моделирования / отв. ред. В. М. Кудрявцев, С. Г. Келина. Москва: Наука, 1987. С. 51.

² Кузнецова Н. Ф. Преступление и преступность. Москва: Изд-во Московского университета, 1969. С. 530.

³ Максимов С. В. и др. Мониторинг уголовно-правовой политики Российской Федерации: монография / под общ. ред. С. В. Максимова. Москва: Институт государства и права РАН. 2014. С. 130.

⁴ Цепелев В. Ф. Соотношение преступления и иных правонарушений: сравнительный аспект // Соотношение преступлений и иных правонарушений: современные проблемы: материалы IV Международной научно-практической конференции, посвященной 250-летию образования Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова и состоявшейся на юридическом факультете МГУ имени М. В. Ломоносова. 27–28 мая 2004 года. Москва, 2005.

⁵ Гордиенко В. В. Законодательные новеллы и их роль в повышении эффективности борьбы с преступностью // Российский следователь. 2011. № 16. С. 4–5.

⁶ Гаврилов Б. Я., Рогова Е. В. Закрепление уголовного проступка в контексте реформирования уголовного законодательства России // Российская юстиция. 2016. № 11. С. 2–5.